

Родион Раскольников

Мы знакомимся с Раскольниковым в тот момент, когда он выходит из своей комнаты, стараясь незаметно проскользнуть мимо квартиры хозяйки, которой он задолжал. Ему становится стыдно того трусливого ощущения, которое охватывает его каждый раз, когда ему приходится пробираться подобным образом по лестнице.

Раскольников идет к старухе процентщице — той, которую он впоследствии убивает. Он хочет заложить у нее серебряные часы и в то же время поближе ознакомиться с обстановкой, в которой ему придется действовать. На улице вид его вызывает в иных сострадание, в иных насмешку, но он не обращает на это внимания: он презирает всех этих людей, готовых на каждом шагу давить своего ближнего. Это чувство озлобленности и презрения к людям накапливается в нем постепенно. Оно становится еще сильнее под влиянием омерзения, которое вызывает в нем старуха процентщица, жадная, готовая высосать последние соки из голодающего бедняка, а затем по впечатлению от встречи с Мармеладовым.

Последнего раздавила бедность, та самая бедность, которая так гнетет и Раскольникова. Однако Соня, дочь Мармеладова, слабая девушка, нашла в себе достаточно силы, чтоб окунуться в грязь, лишь бы хоть чем-нибудь помочь семье. Неужели же он, Раскольников, сильный человек, мужчина, не найдет в себе достаточно силы? Ведь у него есть сестра, которую он очень любит, и мать, высылающая ему гроши из своей грошовой пенсии...

На следующий день Раскольников получает письмо от матери. В нем говорится о тех надеждах, которые они с дочерью возлагают на него, рассказывается о том, каким унижениям пришлось подвергнуться его сестре Дуне, и, наконец, сообщается о планах ее замужества. Раскольников понимает, что этот брак заключается только ради него, да об этом упоминается вскользь и в самом письме. Он твердо решает, что этому браку не бывать. С другой стороны, ему страстно хотелось бы обеспечить мать и сестру. Ему, бедному студенту, однако, нет выбора. Он все более и более убеждается, что помочь тут может только преступление. К тому же у него сложилась своя теория, которую он мог бы применить в данном случае. Да и старуха для него не более как отвратительное насекомое — «вошь», убив которую, он скорее сделает доброе дело, чем совершит преступление. Все эти доводы приводят его к неизбежному следствию — он убивает старуху.

Кто же такой Раскольников? Раскольников — это властный, требовательный человек, который воображает, что он имеет какое-то особенное, исключительное право на жизнь, что он один может восстать на общество, может «преступить» все его узаконения, нравы, верования во имя своей личной воли, во имя требований своей личной мысли. Как представитель известного течения, он может быть назван видоизменением основного типа нигилиста, наиболее ярко обрисованного Тургеневым в лице Базарова. Раскольников, однако, сильно отличается от последнего. Между тем как в лице Базарова мы видим представителя известного течения, проповедника новых идей, Раскольников является простым человеком. В нем гораздо более индивидуального, личного элемента, чем в Базарове. Он человек недюжинный, глубокий. Вступив однажды на путь отрицания, он упорно и последовательно идет по этому пути. Как натура глубокая, он не может остановиться на какой-либо точке при своей нравственной логике и доходит до крайних пределов. Хотя Раскольников иногда и говорит об общем благе, о благе человечества, но все его рассуждения и поступки сводятся в итоге к нему самому. К социалистам он относится с усмешкой. Презрительный взгляд на людей в связи с сознанием своей силы, своего превосходства приводит его к известной теории. Взгляды, которые высказывает Раскольников в этой теории, имеют много общего с мыслями философа Ницше. Человек,

«смеющийся преступить», напоминает нам «сверхчеловека». Недаром Ницше высоко ценил Достоевского и считал его одним из своих учителей.

По Н. Дюнькину, А.Новикову

Героем романа «Преступление и Наказание» является молодой человек, бывший студент, принужденный по недостатку средств выйти из университета. Это личность далеко не заурядная, с богатым запасом умственных и нравственных сил. Товарищ его Разумихин следующим образом характеризует его:

«...Угрюм, мрачен, надменен и горд; в последнее время (а может быть, гораздо прежде) мнителен и ипохондрик. Великодушен и добр. Чувств своих не любит высказывать и скорее жестокость сделает, чем словами выскажет сердце... Ужасно иногда неразговорчив! Всё ему некогда, всё ему мешают, а сам лежит, ничего не делает... Никогда не интересуется тем, чем все в данную минуту интересуются. Ужасно высоко себя ценит и, кажется, не без некоторого права на то».

Все эти черты обрисовывают Раскольникова как человека замкнутого, необщительного, сосредоточенного в себе, самолюбивого и самостоятельного. Он и раньше, во время пребывания в университете, по словам автора, держался особняком, ни с кем не сходил, чуждался товарищей, не принимал участия в их делах, интересах и развлечениях:

«Занимался он усиленно, не жалея себя, и за это его уважали, но никто не любил. Был он очень беден и как-то надменно горд и несообщителен; как будто что-то таил про себя».

При его самолюбии бедность особенно угнетающим образом действовала на него, но он был слишком горд, чтобы искать чужой помощи и поддержки. Однако при всем своем отчуждении от людей Раскольников вовсе не отличался душевной холодностью и черствостью; напротив, сердце его было доступно нежным и великодушным чувствам, любви и состраданию: он относится с глубокой привязанностью к матери и к сестре, он отдает последние деньги, чтобы помочь семье Мармеладова; его душевная мягкость и отзывчивость ко всякому страданию даже сказываются непроизвольно в моменты, когда он не владеет собой (сон об истязуемой лошади).

По В. Саводнику

В некоторых сценах романа автор показывает, что за создавшейся от обид, унижений и жизненной горечи, корой сухости и гордости Раскольникова открывается порой нежное и любящее сердце. Раскольникова тянет преимущественно к «униженным и оскорбленным». Он сближается с несчастным Мармеладовым, выслушивает историю жизни его многострадальной семьи, идет в их жилище, отдает им последние деньги. Он подбирает Мармеладова, очутившегося на мостовой под ногами лошади, заботится о нем; ему приятна детская восторженная благодарность обнявшей его маленькой сестры Сони... Именно эти впечатления наполняют его радостным чувством жизни. Он полон нового необъятного ощущения, вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни. Это ощущение могло походить на ощущение приговоренного к смертной казни, которому вдруг и неожиданно объявляют прощение.

«Довольно, – произнес он решительно и торжественно, – прочь миражи, прочь напускные страхи, прочь привидения!.. Есть жизнь! Разве я сейчас не жил?»

Момент любви, жалости, сострадания, чувство душевной близости к людям, всеобщего братства дает ему ощущение полной и радостной жизни. Таким образом, свойства душевной натуры Раскольникова находятся в полном противоречии с его теорией, с его положениями. Автор показывает, какой, несмотря на все свои взгляды, Раскольников обладал нежной, впечатлительной и болезненно чуткой к человеческим страданиям душой. Он страдает от всех кошмаров городской жизни, он вызывает нежное и доверчивое

отношение к себе детей, он и в прошлом своем пережил историю любви к больной девушке, которой хотел скрасить жизнь, так что дальнейший перелом в жизни Раскольникова в достаточной степени объясняется этими чертами его личности. Но автор не хотел представить картину душевной жизни человека, хотя бы в чем-либо погрешающую против правды, и изобразил этот перелом в результате естественной последовательности переживаний героя.

Очень тяжело сложились материальные обстоятельства Раскольникова. Человек бедный, обреченный на трудную житейскую борьбу, он еле перебивается грошовыми уроками и всякой случайной работой, а в конце концов теряет и этот скудный заработок и страдает от сознания, что в провинции, в глуши, в тяжелых условиях нужды и зависимости живут его мать и сестра. Причиной отсутствия заработков является отчасти характер Раскольникова, его постоянная склонность к рефлексии, к одиночеству, к затворничеству. Мир мыслей и идей поглощает его настолько, что он на целые месяцы уединяется в своей маленькой убогой комнатке, похожей на шкаф, и всецело предается процессу захватившей его умственной работы. Его мысли отмечены оригинальностью; вообще в Раскольникове автор подчеркивает недюжинность натуры. Раскольников немного мыслитель. Он теоретизирует, пишет статьи, проводит в них своеобразные взгляды, интересно и порой глубоко обоснованные. Идеи Раскольникова совпадают с основными положениями учения немецкого философа Ницше о сверхчеловеке.

Самолюбивый, гордый, Раскольников страдает от бедности, чувствует унижение при встрече с квартирной хозяйкой, которой он не может заплатить за комнату, при взгляде на свой оборванный костюм. В нем развивается озлобление, робость и вместе с тем суровость одинокого, измученного человека. Он не может отдалиться ежедневной погоне за рублем, за мелким заработком, не может втереться в гущу жизни и пробивать себе дорогу локтями и кулаками. Этому мешает его слишком самоуглубленная, впечатлительная и созерцательная натура. Его тянет к размышлению, к работе мысли, к мечтам и планам. Ему грезятся великие дела, и тем мучительней ему чувствовать всю скудость и унижительность окружающей его обстановки.

Вдобавок к впечатлениям личной нужды и даже нищеты, на повышенную впечатлительность героя действуют все кошмары, все картины жестокости, грубости, бедности и страдания городской жизни. Раскольников соприкасается с самым бедным классом городского населения, с обитателями углов и подвалов, с завсегдатаями кабаков и пивных. Изголодавшийся, больной, погруженный в тяжелую тоску, Раскольников становится свидетелем потрясающих картин человеческих страданий, которые развертывает перед ним автор. В пивной он слышит рассказ пьяного плачущего чиновника о продаже его дочери, на улице он всюду с отвращением видит следы грязной, несчастной жизни озверевших, пьяных людей; становится свидетелем бедствий семьи, дошедшей до последних пределов нищеты. Голод, нужда, пороки, преступления, цинизм и грубость — вот что всюду встречает Раскольников. Даже во сне он переживает отголоски этих кошмаров и видит картину избиения до смерти лошади пьяными мужиками. Словом, автор показывает душу Раскольникова, доведенную до отчаяния, потрясенную и измученную впечатлениями жизни.

После нескольких неудач Раскольников перестает искать заработков и пассивно предается своей участи, лежа у себя в каморке на диване. Он поглощен новыми идеями, которые всплывают в его сознании как вывод из окружающих его житейских условий.

По Н. Кадмину

Герой романа Раскольников в детстве был мягким и добрым ребенком со слабыми нервами и очень чувствительным сердцем. Он не мог спокойно видеть чужого страдания. Впечатлительность эта осталась в нем и впоследствии; она-то и была причиной того, что,

когда ему приходилось терпеть самому, он старательно избегал всяких неприятных столкновений с жизнью и боязливо уходил в себя. По этой причине в университете он почти не имел товарищей, всех чуждался, ни к кому не ходил и у себя принимал с трудом. Был он очень беден, надменно горд и необщителен, как будто что-то таил про себя. Ни в общих сходках, ни в разговорах, ни в забавах, ни в чем он не принимал участия. Разумеется, вскоре и от него все отвернулись.

В университете он поначалу занимался усиленно, не жалея себя, жил уроками и тем, что бедная мать высылала ему из губернии. Мать и сама получала всего 120 рублей пенсии, а за уроки платили ему полтинниками, которых едва хватало на починку сапог. Другой, конечно, справился бы и с этим; были такие среди его приятелей, которые находили возможность это выдерживать, — он не мог. Он был ненаходчив, неловок и горд.

Спустя два-три года он совершенно упал духом, перестал посещать лекции, потерял уроки, отшатнулся решительно от всего и заперся в самом скверном квартале города, в пяти шагах от Сенной, в душевной камерке под самой кровлей пятиэтажного дома. Вход в его жилище был с черной лестницы мимо кухни хозяйки, у которой он находился в неоплатном долгу. В камерке пыль, духота, стол с книгами и тетрадами, до которых ничья рука давно уже не касалась, софа в лохмотьях, на которой он часто спал как был, не раздеваясь, без простыни, укрываясь старым, ветхим студенческим пальто и с одной маленькой подушкой, под которую он подкладывал, чтоб было повыше, все, что было из белья чистого и заношенного — и над всем этим потолок, под которым можно было едва стоять, не касаясь до него головой.

Четыре месяца тому назад он получил от матери пятнадцать рублей, потом закладывал кое-какие вещи, но всего этого, разумеется, не хватало. Квартирная хозяйка две недели уже как перестала ему отпускать кушанье. Настасья, единственная служанка хозяйки, обязанная ему прислуживать, совсем перестала у него убирать.

В своей одежде, как и во всем остальном, он опустил и обнеряшил до последней степени. Он был до того плохо одет, что иной и привычный посовестился бы выходить в таких лохмотьях на улицу; но и улицы вокруг его дома были не лучше. Близость Сенной, пропасть распивочных, пьянство и толкотня, духота, вонь — все это было в согласии с более близкой к нему обстановкой и замыкало безвыходный круг, в котором оказался Раскольников. Давно уже он томился в этом кругу, и наконец болезненное его настроение дошло до последней степени — до глубочайшего отвращения ко всему, до ненависти к жизни и людям. О насущных делах Раскольников совсем перестал заботиться, сутками голодал, бродил по улицам, не замечая пути и не видя прохожих. Нередко ему случалось возвратиться домой и не помнить дороги, по которой шел, и он уже привык так ходить. Чувство какой-то болезненной и трусливой вражды закипало в нем при малейшем столкновении с чужими, незнакомыми ему лицами. Он оборвал всякую связь с окружающим, решительно оттолкнулся от всего, ушел от всех, как черепаха в панцирь, и даже лицо служанки, заглядывавшей иногда в его комнату, возбуждало в нем желчь и конвульсии. Так бывает, по замечанию автора, у иных мономанов, слишком на чем-нибудь сосредоточившихся.

С другой стороны, такое разъединение с внешним миром предполагает не менее сильную внутреннюю концентрацию. Весь огонь, вся энергия этой молодой жизни сосредоточились в голове. Это была его единственная мастерская, и в ней, как в пылающем очаге, кипела работа усиленная и спешная. Он думал. Целые длинные зимние вечера, лежа в одиночестве у себя в камерке впотьмах, без свечей, он думал; более ему нечего было делать и некуда идти. «...Понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти?... ибо надо, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь было можно пойти...» А если некуда, совсем уже некуда, тогда что? Тогда ему остается стоически обернуться лицом к стене и умереть; или... переступить барьер, поставленный для стада обыкновенных людей законом, которому им назначено повиноваться, но который не

обязателен для людей другого разряда, людей, стремящихся к разрушению старого во имя чего-нибудь нового, лучшего.

И вот, наконец в его уединенной мастерской из этого мучительного процесса мысли вылупился, как цыпленок из яйца, первый зародыш дела, первое ясное представление, куда надо пойти и что сделать.

И что за беда? Ведь это было еще не дело, это был только простой расчет и прикладка, ни к чему его не обязывающие. В его воле всегда будет сделать или не сделать; но на тот случай, если бы позже, когда-нибудь, неизвестно когда, он сочтет нужным сделать, то почему бы сначала не обдумать?

Блудливое любопытство нужды и отсутствие всяких других занятий заставляли его сначала играть с этим зародышем мысли, как со страшной игрушкой, и он так привык к этой игре, так был убежден, что это только игра и что из мысли не выйдет дела, что незаметно втянулся в эту игру до того, что стал чувствовать наконец, как роли переменились и то, чем он забавлялся, овладело им, стало его давить и тянуть к себе, и он сам стал игрушкой у него в руках. Тогда то он струсил и стал закрывать глаза, чтобы не видеть своей мысли, но она была в нем, и он видел ее, не мог не видеть ее ежеминутно. Но противостоять он уже не мог; он был готов к действию. Он сам способствовал этому, сам все придумал и подготовил давно. Топор был выбран как орудие, и было решено, где его взять. Петля под пальто, слева, чтобы привесить и скрыть топор, также была придумана; иголки и нитки, чтобы пришить ее, были давно уже приготовлены и лежали на столе, в бумажке. В маленькой щели, между его «турецким» диваном и полом, был приготовлен и спрятан мнимый заклад. Дело дошло наконец до того, что и обманывать себя далее было уже невозможно; с ужасом он убедился, что это уже больше не фантазия, а серьезный умысел. Умысел этот был ему отвратителен, но Раскольников уже не мог от него отказаться, не мог оттолкнуть его от себя и только пятился от него, колебался в мучительной нерешимости, трусил, дрожал. Когда он почувствовал, что его начинает втягивать, он сделал еще одно, последнее и отчаянное усилие. Почти в горячке, в бреду, мы находим Раскольникова проснувшимся на Петровском острове, в кустах, куда он забрел накануне, не сознавая зачем, и где он уснул от утомления. Страшный сон еще мерещится ему наяву. Весь ужас того, что ему предстоит, разом обрисовался в его глазах, и он вдруг решил, что этого быть не может, что этому не бывать. Свобода от этих чар, от колдовства, обаяния, наваждения, показалась ему еще возможной. Собрав последние силы, он торжественно отрекся от задуманного, и уже шел домой с чувством отрадного успокоения на душе, как вдруг, совершенно нечаянно, попал на Сенную, и это его удивило, потому что Сенная была ему не по дороге; но ужас сменил его удивление, когда он совершенно неожиданно из разговора, подслушанного мимоходом, узнал, что завтра, в семь часов вечера, Лизаветы, старухиной сестры и единственной ее сожительницы, не будет дома и что, стало быть, старуха, ровно в семь часов вечера, останется дома одна. Этот ничтожный сам по себе случай стал для него приговором судьбы.

По Н. Ашхарумову

Раскольников — одна из тех натур, которых любит Достоевский, — одна из натур, исполненных участия к чужому горю. Сам бедняк, в продолжение полугода он поддерживал своего больного товарища; когда же тот умер, взял на свои руки его больного отца, поместил в больницу и похоронил на свои трудовые деньги. При всей своей бедности Раскольников хотел было жениться на дочери своей квартирной хозяйки. Но что же его привлекло в ней?

«Право, не знаю, — говорил он впоследствии, уже после ее смерти, — за что я к ней тогда привязался, кажется, за то, что всегда больная... Будь она еще хромя аль горбатая, я бы, кажется, еще больше ее полюбил...»

И при такой сострадательности, чуткости сердца он должен постоянно удерживать руку, которая так и протягивается у него на помощь кому бы то ни было, он должен ее удерживать потому, что у него самого ничего нет, и если он станет слишком щедро делиться своими трудовыми деньгами, то ему придется быть в тягость своей матери, которая, сама будучи бедной, готова отдать ему последнее. А между тем мало ли видит он вокруг себя таких рук, которым было бы так легко протянуться к переполненному сундуку, чтобы вынуть оттуда совсем немалую лепту на помощь ближнему; но руки эти преспокойно остаются неподвижными! Между тем старуха, к которой он идет заложить часы своего покойного отца, с таким хладнокровием оценивает их в полтора рубля да при этом еще высчитывает проценты. У него же эти полтора рубля исчезают незаметно, потому что он по своему обыкновению сейчас же делится ими с другими.

За посещением ростовщицы следует страшная сцена в распивочной, где является Мармеладов, — одна из тех сцен, в которых кажущийся комизм решительно поглощается самым ужасным трагизмом. И какими глазами должен глядеть Раскольников на пьяного Мармеладова, с такой откровенностью высказывающего все, что у него на душе, насколько себя не прикрашивая и не извиняя? Ему, конечно, невольно должно приходиться в голову: «Не то же ли довело этого человека до пьянства, что меня довело до лежания в моей конуре?» Как не прийти к подобному заключению после обращения Мармеладова к содержателю распивочной:

«Думаешь ли ты, продавец, что этот полуштоф твой мне в сласть пошел? Скорби, скорби искал я на дне его, скорби и слез, и вкусил, и обрел; а пожалеет нас Тот, Кто всех пожалел, и Кто всех и вся понимал, Он единый, Он и Судия. Придет в тот день и спросит: “А где дочь, что мачехе злой и чахоточной, что детям чужим малолетним себя предала? Где дочь, что отца своего земного, пьяницу непотребного, не ужасаясь зверства его, пожалела?” И скажет: “Приди! Я уже простил тебя раз... Простил тебя раз... Прощаются же и теперь грехи твои мнози, за то, что возлюбила много...”»

Участь Сони, которая «для мачехи злой, для детей чужих себя предала» больше всего, казалось бы, должна поразить Раскольникова. Но, возвращаясь домой после этой потрясающей сцены, он застаёт письмо от матери, из которого узнает, что сестра его, проживая гувернанткой у Свидригайлова, едва не попала в положение Сони. Ей удалось спастись, но она решается на выгодный брак с Лужиным, «которого она, конечно, не любит», как сознается сама мать в письме, «но который, кажется, человек хороший». — «*Это кажется* всего великолепно! — восклицает Раскольников. — И эта же Дунечка за это же *кажется* замуж идет!...» Становится понятным сопоставление:

«...Тут мы и от Сонечкина жребия, пожалуй что, не откажемся! Сонечка, Сонечка Мармеладова, вечная Сонечка, пока мир стоит! Жертву-то, жертву-то обе вы измерили ли вполне?.. Знаете ли вы, Дунечка, что Сонечкин жребий ничем не сквернее жребия с господином Лужиным? “Любви тут не может быть”, — пишет мамаша».

Он человек достаточный; с ним можно поправить свои обстоятельства, а также и обстоятельства брата... Но ведь то, что предпринимает Дунечка, продолжает внутренне рассуждать Раскольников, «может быть, даже хуже, гаже, подлее, потому что у вас, Дунечка, все-таки на излишек комфорта расчет, а там просто-запросто о голодной смерти дело идет!» А что ежели этот расчет главным образом для него, для милого брата Родиона Романовича?

«Не бывать тому!» — решает он. — «А что же ты сделаешь, чтобы этому не бывать?.. Всю судьбу свою, всю будущность им посвятить, *когда кончишь курс и место достанешь?* Слышали мы это, да ведь это *буки*, а теперь?».

И после этого письма, обнажившего перед ним всю отталкивающую мерзость его положения — положения человека, для которого решаются приносить подобного рода жертвы, происходит нечаянная встреча на бульваре с девочкой, которую кто-то подпоил,

и с господином, подстерегающим ее издали, — конечно, не из сострадания. И какая ужасающая ирония сказывается в рассуждении Раскольникова о тех двадцати копейках, которые дал он городовому, чтобы нанять извозчика и отвезти девочку:

«Двадцать копеек мои унес... Ну пусть и с того тоже возьмет да и отпустит с ним девочку, тем и кончится... И чего я ввязался тут помогать! Ну мне ль помогать? Имею ли я право помогать? Да пусть их переглодают друг друга живьем — мне-то чего! И как я смел отдать эти двадцать копеек. Разве они мои?»

Помощь, оказанная им, — капля в море; да и не глупо ли так ребячески протестовать против неизбежного порядка вещей?!

«Такой процент, говорят, должен уходить каждый год... куда-то... к черту, должно быть, чтобы остальных освежать и им не мешать. Процент! Славные, право, у них эти словечки: они такие успокоительные, научные. Сказано: процент, стало быть, и тревожиться нечего... А что, коль и Дунечка как-нибудь в процент попадет!.. Не в тот, так в другой?..»

Наконец, Раскольников случайно подслушивает разговор между студентом и офицером, который имел для Раскольникова роковое значение, хотя на вопрос, заданный студенту офицером: «убил ли бы он сам старуху?», студент отвечает: «Разумеется, нет... не во мне тут дело». Но у Раскольникова после всего, что он перечувствовал и передумал, невольно рождается мысль: не он ли на это призван? Ему, конечно, случалось и прежде слышать подобные разговоры и никогда они не пропадали для него даром. Написал же он целую статью о том, что многое только принято называть преступлением. Необыкновенные люди — это «власть имущие»; они имеют право переступать ту черту, которая удерживает других. Вся сила, значит, только в том, чтобы уметь «дерзнуть». Статья была написана за несколько месяцев до преступления, готовившегося с величайшей постепенностью.

Долгое время мысли, изложенные в статье, имели для автора только теоретическое значение. Для практического применения статья пригодилась ему лишь тогда, когда накопились новые впечатления — от различных роковых встреч и от несчастного письма матери. От этих встреч и этого письма созревшая в нем мысль переходит в жажду дела, которая и обращает его наконец в своего раба. Раскольников совершает преступление как своего рода мономан. Оттого и забывает он о необходимых предосторожностях — прежде всего о том, что надо запереть дверь; в эту-то дверь и входит несчастная Лизавета, которой приходится стать его второй, уже совершенно нечаянной жертвой. С Раскольниковым, таким образом, происходит то, что часто бывает в подобных случаях: за одним, предумышленным убийством непосредственно следует другое, случайное; чувство самосохранения, вдруг пробудившееся в Раскольникове, заставляет его поразить роковым топором и эту несчастную, которую он всегда жалел. Уже этого одного довольно, чтобы не дать ему возможности вообразить себя героем.

«О, как я ненавижу теперь эту старушонку! — говорит он впоследствии, — кажется бы, другой раз убил, если бы очнулась!» Но удивительно то, чему удивляется и он сам — почему он при этом почти не думает о Лизавете, точно и не убивал ее. Это психологическая тонкость, объясняемая, вероятно, тем, что в сознании Раскольникова живо собственнно то, что входило в первоначальный, долговременно выношенный, замысел преступления, а убийство Лизаветы — случайность. Но как тяготит его эта случайность в те минуты, когда она, наконец, возникает в его сознании, видно из следующих слов: «Бедная Лизавета! Зачем она тут подвернулась!.. Лизавета! Соня! бедные, кроткие, с глазами кроткими... Милые!..»

Совершив вовсе не рассчитанное второе убийство, невольно вытекшее из первого, он не решается воспользоваться деньгами. Сначала, впопыхах, он набивает себе карманы, но, даже не глядя, много ли им взято, спешит поскорее избавиться от награбленного, поскорее спрятать это все, где-то там, под камнем. Он даже и не думает о том, чтобы

употребить награбленное для высших целей и этим возвысить себя в своих собственных глазах. А ведь повод к тому представился очень скоро. За преступлением следует несчастный случай с Мармеладовым: на него наезжает карета и расшибает его до смерти. Раскольников отвозит его домой, где тот и умирает, оставляя окончательно нищими жену и детей. Вот тут-то, казалось бы, и воспользоваться старухиними деньгами, поспешить их достать из-под камня и отдать Мармеладовой, чтобы затем иметь право сказать: «Я — вовсе не преступник, я — благодетель человеческого рода». Ничего подобного нет. Раскольников дает вдове лишь те трудовые деньги своей матери, которые она ему только что выслала. Этот поступок на время доставляет отраду Раскольникову.

«Он сходил тихо, не торопясь [с лестницы дома Мармеладовых], весь в лихорадке и, не сознавая того, полный одного, нового, необъятного ощущения вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни. Это ощущение могло походить на ощущение приговоренного к смертной казни, которому вдруг и неожиданно объявляют прощение».

Из-под влияния страшных ощущений, соединенных с убийством, он вдруг попадает в положение иного рода: он только что утер другим людям слезы, утер их честными трудовыми деньгами; он, стало быть, нужный член в человеческой семье.

Но душевное счастье, конечно, достается Раскольникову ненадолго; ощущение совершенного перед тем преступления опять полновластно занимает место в его душе. Стоит лишь вспомнить картину поминок по Мармеладову — картину, в которой его вдова разыгрывает такую странную роль, кажущуюся сначала чуть ли не карикатурной, но вполне объясняющуюся дальнейшим помешательством этой несчастной женщины. Стоит вспомнить то унижение, которое приходится вынести Сонечке, обвиненной в краже Лужиным, подготовившим с особенным злостным старанием эту ужасную сцену. Между тем ведь у Раскольникова не хватает духа выступить защитником Сонечки. Видя, что ее и без того уже горькая чаша окончательно переполнилась, он только удивляется ее терпению и выносливости и думает найти в ней опору самому себе. Вместо того чтобы громко принять ее сторону, он думает только о себе: пойду потом к ней, расскажу ей все, ей одной исповедаю все, что я совершил; она одна это вынесет, она одна поддержит меня. Придя к ней и став перед ней на колени, он целует ее ноги и говорит: «Я не тебе поклонился, я всему страданию человеческому поклонился». Черта эта, отдельно взятая, может показаться несколько изысканной, но в связи со всем остальным она совершенно естественна: поклон этот усладил Раскольникова, потому что это поклон существу, также клейменному печатью отвержения, потому что это поклон тому, из чего вытекает множество преступлений и чем эти преступления выкупаются. В этом поклоне Раскольникова нет ни малейшей рисовки, расчета на эффект; это окончательно подтверждается тем, что следует далее: убийца и грешница в пустой, холодной комнате при догорающем огарке — какая благодатная почва для мелодрамы! Как много они могли бы сказать громких фраз, вроде «да, мы преступники, но мы выше, мы лучше всех остальных!» Но у Достоевского ничего этого и в помине нет; он заставляет Сонечку прочесть Раскольникову главу о воскресении Лазаря по книге, которую незадолго до своей смерти принесла ей бедная Лизавета, убитая этим самым Раскольниковым, безответно слушающим теперь чтение глубоко проникнутой верою грешницы.

Но он еще не открывается Соне; он к ней приходит вторично и тогда лишь высказывает ей все, а она отвечает простыми, вырвавшимися из сердца словами: «Нет, нет тебя несчастнее никого теперь в целом свете!»

Открываясь Соне, Раскольников несколько не старается приукрасить преступление благовидными побуждениями; напротив, он производит у нее на глазах самый страшный анализ самого себя, и все, хотя сколько-нибудь способное благоприятно подействовать на нее, положительно в себе отрицает:

«Не для того, чтобы матери помочь, я убил — вздор! Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества... другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я преступить, или не смогу!.. Тварь ли я дрожащая или *право* имею...»

И именно это «право имею» она не в состоянии понять. «Убивать-то право имеете?» – восклицает она с ужасом.

Раскольникову не приходится прибегать к логическим ухищрениям, чтобы оправдаться перед Соней. Оправдываясь, он должен был бы подействовать на ее сердце. Но он и не думает об этом, ему и в голову не приходит ей говорить о тех чувствах, которых в нем действительно много, но которых он как будто уже и не сознает в себе. Он знает, что ее довело до унижительного положения и что дало ей силу «позор принять» и «с жизнью не покончить»; он знает, что силу эту дала ей любовь, самоотверженная любовь к бедным чужим детям, к полусумасшедшей мачехе. Соня требует от него, чтобы он пошел и объявил о том, что он сделал; с ее точки зрения иначе он поступить не может. «Поди... поцелуй... землю, которую ты осквернил... и скажи всем, вслух: «Я убил» – говорит она ему. — «Зачем пойду?» – отвечает он, так смиренно поклонившийся ей и в лице ее человеческому страданию, но не способный, как она, совершенно смириться. «Что им скажу? Они сами миллионами людей изводят, да еще за добродетель почитают», – говорит Раскольников. Но он же, на таком основании «разрешающий кровь», когда Порфирий Петрович допрашивает его об «угрызениях совести», отвечает: «у кого есть она, тот страдай, коль сознает ошибку». — «Ну а действительно-то гениальные, – удивляется Разумихин, – те так уж и должны не страдать совсем, даже за кровь пролитую?» — «Зачем тут слово *должны*», – возражает Раскольников, прибавляя с грустью: «Страданье и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца». Кончается тем, что он идет и объявляет о своем преступлении, как делает это многое множество преступников, в которых тоже есть, значит, боль от совести, но остающихся тем не менее и гордыми, и озлобленными в глубине души. Те же гордость и озлобление сохраняются и в Раскольникове и во время суда, и долгое время на каторге:

«...Его гордость сильно была уязвлена... Но он строго судил себя, и ожесточенная совесть его не нашла никакой особенно ужасной вины в его прошедшем, кроме разве простого *промаху*...»

Только мало-помалу это озлобление уступает влиянию несчастной многолюбящей Сони, которая следует за ним на каторгу, где она положительно действует и на сердца других, вовсе ей незнакомых, каторжников. «Матушка, Софья Семеновна, мать ты наша, нежная, болезная!» – обращались к ней эти грубые люди.

Ее беззаветная любовь к людям пробуждает наконец и в Раскольникове угасшую веру в человека; в нем происходит то, что он сам как бы предвидел заранее, заставив ее прочесть себе о воскресении Лазаря.

По О. Миллеру

Раскольников — молодой русский студент, красивый, с правильными чертами лица и большими выразительными глазами, обладающий выдающимися дарованиями, но бедный, как только может быть беден русский студент, постоянно страдающий от крайней нужды, одетый в лохмотья, со шляпой на голове, на которую нельзя смотреть без смеха. Бедность заставляет его бросить учение; он прилагает все усилия, чтобы добыть необходимые средства к существованию, но напрасно: ему приходится опускаться все ниже и ниже. Он замкнут, суров, подозрителен и меланхоличен; он горд, высокомерен, но в то же время и добр; он не любит открывать своих чувств. Он честолюбив с задатками большой отваги, но часто так угрюм, что кажется холодным и бесчувственным до бесчеловечности. Он печален, мрачен и раздражителен, высокомерен и великодушен; приходит в уныние при мысли о несчастном положении человеческого рода, но всегда горит

пламенным желанием прийти на помощь человечеству и сделаться его спасителем в грандиозных размерах. В глубине души он не трудолюбив. Вообще, по мнению автора, трудолюбие — редкое явление в России, где все желают без заботы и труда быстро обогатиться и где привыкли, чтобы все, что может быть достигнуто, подавалось в готовом, окончательном виде; где привыкли подчиняться чужому руководству, привыкли, чтобы умственная пища подавалась в пережеванном виде другими.

Если Раскольников был меланхоличен от природы, то бедность еще в большей степени развила в нем это качество. Комната, в которой он живет, приводит его непрестанно в раздражение. Низкая, узкая, она как бы тисками охватывает его ушу. Он не может заплатить за свою квартиру, часто голодает. В длинные зимние вечера он лишен света, лежит в темноте, не работает даже ради того, чтобы купить себе свечу; на его столе нагромождены учебные тетради, покрытые слоем пыли. Он постоянно думает, думает, думает...

Он думает о безобразной старой ростовщице, богатой и жадной, у которой он время от времени брал деньги взаймы, и о разговоре, услышанном им как-то в трактире, где один студент высказывал мысль и ее убийстве и о пользе от этого убийства.

Слова эти глубоко запали в душу Раскольникова, потому, может быть, что подобные мысли уже роились у него в мозгу, и продалбливали себе в нем путь подобно цыпленку в скорлупе яйца, и потому в особенности, что гнетущая его нужда затронула и самые дорогие для него существа. Его мать, живущая в уездном городке пенсией в 120 рублей и зарабатывающая к тому еще 20 рублей вязанием и шитьем, губительно действующими на ее глаза, прислала ему письмо, из коротких, деликатных выражений которого он узнает, что его единственная, обожаемая им сестра, такая гордая и хорошенькая, готовится принести себя в жертву, вступив в возмутительный брак, чтобы доставить ему средства окончить университет и содержать на старости мать. Он вскакивает в негодовании, он возмущается, он хочет воспретить своей чистой сестре заключение такого ужасного брака. Но по какому праву может он запрещать ей это? Как может он помешать ей? Что может он предложить ей взамен?.. Посвятить ей и матери все свое будущее, когда он окончит свое учение и получит место?.. Через десять лет, может быть, — но до этого времени его мать может ослепнуть или умереть от нужды и истощения, и до этого времени его сестра... чего не может случиться за десять лет?

Он выработал особое учение о преступлениях, а именно, что возвышающийся над обычным уровнем человек имеет право, — конечно, не официальное, а дарованное ему его совестью, — перешагнуть через известные препятствия и границы, задерживающие других людей, но только в том случае, если его идея — идея спасительная, быть может, для всего человечества — требует подобного шага. Опыт учит, что почти все законодатели человечества и реформаторы были преступниками, уже по тому одному, что они создали новые законы и разрушили старые, считавшиеся обществом священными и передешедшими к ним по наследству от предков, и потому что они не отступали с дрожью перед пролитием крови, притом чаще всего невинной крови, которая геройски приносилась в жертву в защиту старого закона. Толпа не признает права за подобного рода людьми: она казнит или вешает их, когда они выступают на сцену, но следующие поколения возводят их в виде памятников на высокие пьедесталы и выказывают им почтение. А разве он не такой именно выдающийся человек?

Но все его существо возмущается при мысли о подобном действии. Оно было слишком противно для него, слишком отвратительно. Убить топором маленькую старую женщину!.. Вся его гордость, все благородные инстинкты его природы содрогаются при мысли об этом.

Но дни идут, и никакого другого исхода не предвидится; медленно, мало-помалу осваивается он с этой мыслью. Благодаря странному стечению обстоятельств он узнает время, когда старая ростовщица останется одна вечером... Ему кажется, будто он полон

своей одежды попал в отверстие машины, которая втягивает его в себя и начинает кружиться вместе с ним, — и он с смесью отчаянной решимости и ребяческого легкомыслия совершает убийство — и притом не одно убийство, а целых два.

По Г. Брандесу